

СИСТЕМНАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ПОСТАНОВКА ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

.....

М. С. Нистоцкая¹

На протяжении последних нескольких десятков лет модель «принципал-агент» была основной теоретической базой для исследований причин и последствий коррупции и определила содержание антикоррупционных реформ во многих странах мира. Однако, оценив результаты этих реформ скорее как провал, чем успех, многие исследователи стали ставить под сомнение применимость теории «принципал-агент» к феномену коррупции. В статье рассматриваются основные положения новой, набирающей популярность теоретической трактовки коррупции как проблемы коллективного действия. Эта теория предполагает, что поведение людей зависит не от тщательности мониторинга и суровости наказания, установленного принципалом, а от того, что большинство людей думают о наиболее вероятных действиях других членов общества. Только тогда, когда подавляющее большинство полагает, что другие «не дают» и «не берут», новый низкорепузионный эквilibrium может быть достигнут. Утверждается, что для достижения такого переломного момента антикоррупционные реформы должны быть революционными по своему характеру и проведены в достаточно короткий срок. Новые направления исследований о коррупции, открывающиеся в свете теории коллективного действия, обсуждены кратко.

Ключевые слова: коррупция, модель принципал-агент, теория проблем коллективного действия.

Как мир борется с коррупцией

По мере роста понимания того, что коррупция — это все же не «смазочное вещество» торговли и экономического роста, а сугубо негативное социальное явление, борьба с коррупцией (по общепринятому определению понимаемая как злоупотребление служебным положением с целью личного обогащения) стала важнейшим пунктом политической повестки для многих стран и международных организаций. На протяжении последних 15 лет страны, пораженные масштабной коррупцией и в основной своей массе относящиеся к развивающимся регионам мира, инициировали антикоррупционные реформы, поддержанные международным сообществом. Хотя на уровне риторики много

¹ Нистоцкая Марина Сергеевна – Ph.D., сотрудник Института качества государства факультета политологии Гетеборгского университета, Швеция. Эл. почта: marina.nistotskaya@gu.se

говорилось об адаптации антикоррупционных реформ к специфическим условиям конкретных обществ, на практике наиболее частый подход к борьбе с коррупцией заключался в использовании стандартного набора рекомендаций, основанных на выводах исследований, применяющих теоретическую модель «принципал-агент» (ПА).

ПА-модель базируется на двух ключевых допущениях: 1) конфликте интересов между так называемыми принципалами, которые обычно рассматриваются как выразители общественного интереса, т.е. теми, кто заинтересован в минимизации коррупции, и агентами, которые склоняются к коррупционному поведению тогда, когда выгоды от такого поведения превосходят издержки; 2) информационной асимметрии, при которой агенты обладают более полным объемом информации, чем принципалы. Более того, принципалы делегируют выполнение определенных государственных функций агентам. Согласно ПА-теории, коррупция возникает тогда, когда агент, стремясь удовлетворить свои корыстные интересы, злоупотребляет властью и ресурсами, доверенными ему принципалом, тем самым предавая интересы принципала (Klitgaard, 1988; Rose-Askerman, 2004). Такое поведение агента возможно благодаря тому, что принципалы не владеют полной информацией о ходе исполнения делегированных полномочий.

Ответ на вопрос, кто принципал, а кто агент, зависит от специфического научного дискурса. Так, например, в классической литературе о чиновничьей коррупции политики рассматриваются как принципалы, а чиновники — как агенты (см., например, McCubbins, Noll & Weingast, 1987). В других источниках рассматриваются все должностные лица с государственными полномочиями — политики и чиновники — трактуются как агенты граждан-принципалов (см., например, Przeworski, Stokes & Manin, 1999). Вне зависимости от этих нюансов, исследователи, придерживающиеся ПА-модели, полагают, что проблема коррупции — это исключительно проблема агента, в то время как принципал — всегда сторонник борьбы с коррупцией. Однако, если сделать вполне правдоподобное допущение, что принципал также коррумпирован и интересы общества не являются его единственным побудительным мотивом, тогда вся аналитическая конструкция становится бесполезной, поскольку мы теряем актора, заинтересованного в отслеживании и наказании коррумпированного поведения. Кто будет отслеживать и наказывать коррумпированных агентов, если принципалы с принципами отсутствуют?

Практические рекомендации, вытекающие из теории «принципал-агент», заключаются в пресечении мотивации агентов вступать в коррупционные отношения: через снижение уровня свободы их действий (например, через детальные должностные регламенты); сокращение поля их деятельности (например, через дерегуляцию экономической деятельности); ограничение монополии агентов на исполнение государственных функций (например, через

приватизацию отдельных госуслуг и функций) и повышения подотчетности (accountability) во всей системе властных отношений (через децентрализацию власти, повышение прозрачности в процессе принятия решений, развитие независимой прессы и системы институтов общественного контроля). Эти рекомендации были транслированы многими международными организациями в качестве «целостной антикоррупционной стратегии», направленной «на устранение лазеек для коррупции» (UNDP, 2004, 9).

Отдавая должное тому, что все эти меры, безусловно, привлекли внимание к коррупции как проблеме экономического развития и уровня человеческого благосостояния, большинство обозревателей все же соглашались, что этот целостный антикоррупционный пакет реформ не принес желаемых результатов (Batory, 2012; Booth & Cammack, 2013; Della Porta & Vannucci, 2007; Karklins, 2005; Mungiu-Pippidi, 2006). Например, если посмотреть на тропическую Африку — самый коррумпированный регион мира, где антикоррупционная работа различных доноров была весьма активной — в большинстве стран региона создан правовой и институциональный каркас, который соответствует самым высоким антикоррупционным стандартам (Global Integrity, 2008). Однако реальность свидетельствует о другом: например, среднее значение индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index) в странах тропической Африки за 10 лет с начала наблюдений в 1998 г. изменилось в худшую сторону. Такая ситуация — удел не только развивающихся стран. По мнению Della Porta & Vannucci (2007), в Италии коррупция фактически достигла еще больших масштабов, чем она была до начала серии антикоррупционных реформ «Чистые руки» в 1990-е гг. Далеко не всем посткоммунистическим странам также удалось избавиться от системной коррупции (Batory, 2012).

Таким образом, антикоррупционные реформы не избавили от коррупции страны, пораженные этим недугом на системном уровне. Стандартные пакеты реформ, проведенные по рекомендациям международных организаций, на практике провалились. Они не только не улучшили ситуацию, но в некоторых случаях даже ухудшили ее, создав новые стимулы и возможности для коррупционного поведения. В чем же причина провала антикоррупционных реформ?

Почему антикоррупционные реформы провалились?

Ключевая причина провала антикоррупционных реформ, по мнению многих ученых и практиков, заключается в отсутствии политической воли, точнее, в отсутствии политических акторов, желающих принять на себя роль принципала и в этом качестве контролировать исполнение антикоррупционных законов. Хотя в большинстве стран мира борьба с коррупцией стала стандартным пунктом предвыборных обещаний и политические деятели неизменно заявляют о себе как о «принципалах с принципами», коррупция остается неизменным атрибутом внутривластного ландшафта многих стран мира (Bågenholm,

2013; Mingiu-Pippidi, 2006; Persson, Rothstein & Teorell, 2013). То есть на практике поведение политиков далеко от действий идеального принципала, который систематически отслеживает и наказывает коррупцию. Некоторые исследователи вообще полагают, что в силу своего структурного положения в процессе производства публичных благ (Miller & Hammond, 1994) политические элиты — самые большие бенефициары коррупционной системы, поэтому они не имеют стимулов для ее изменения (Johnston, 2005).

Граждане также далеки от идеального принципала, описанного в теоретических моделях. Вопреки предсказаниям теории демократии, электоральные издержки для коррумпированных политиков невысоки. Эмпирические исследования показывают высокий процент переизбрания коррумпированных политиков не только в становящихся демократиях, но и в полностью консолидированных демократических режимах (Bågenholm, 2013; Chang, Golden, Hill, 2010; Costas-Perez, Solé-Ollé, Sorribas-Navarro, 2012; Welch, Hibbing, 1997). Кроме того, количество заявлений граждан о фактах коррупции в странах с системной коррупцией остается крайне низким (Kpundeh, 2004), что также свидетельствует о том, что, вопреки ожиданиям, вытекаемым из ПА-модели, граждане редко используют доступные им каналы контроля коррупции.

Одним словом, реальные политики и граждане далеки от тех принципалов с принципами, описанных в популярной теоретической модели. И поскольку успешная реализация антикоррупционных реформ, выполненных по шаблону ПА-модели, напрямую зависит от существования таких акторов, провал антикоррупционных реформ не является таким уж большим сюрпризом (Persson et al., 2013).

Для успешной борьбы с коррупцией необходимо понять мотивы, по которым люди продолжают быть частью коррупционных отношений. До недавнего времени в литературе доминировал подход, согласно которому основной мотив — это культурные нормы: то, что в одних странах понимается как взятка, в других воспринимается как подарок (Nasty, 2005; Rose-Ackerman, 1999). Однако новейшие исследования, базирующиеся на эмпирическом материале из стран Африки (Persson et al., 2013), регионов Европы (Charron, Lapuente & Rothstein, 2013), Индии (Widmalm, 2008) и доиндустриальных обществ (Rothstein & Torsello, 2014), показывают, что этические стандарты в отношении того, что должно пониматься как коррупция, не различаются в странах с разным уровнем коррупции. Несмотря на такое универсальное осуждение коррупции гражданами, типичный гражданин страны с системной коррупцией обычно воздерживается от активной борьбы с ней. Этот эмпирический парадокс дал толчок новой теоретической интерпретации проблемы коррупции, основой которой послужила новаторская работа исследователей из Института качества управления, Гетеборгского университета (Persson et al., 2013).

Коррупция как проблема коллективного действия

Новый теоретический подход к коррупции как к проблеме коллективного действия ставит под сомнение одно из основополагающих допущений ПА-модели — существование бенеvolentного принципала (политика или гражданина), озабоченного проблемой коллективного блага, который работает на искоренение коррупции. Теория коллективного действия гласит: в отсутствие такого социального актора поведение людей зависит от того, что они думают о наиболее вероятных действиях других членов общества в сходных ситуациях. В формулировке Fehr & Fischbacher (2005: 259): «если люди считают, что уход от налогов, коррупция и злоупотребления в сфере социального обеспечения широко распространены, они сами, скорее всего, станут ловчить с налогами, брать взятки, или злоупотреблять услугами организаций социального обеспечения». Соответственно, в отношении коррупции, выбор между вступлением в коррупционные отношения или отказом от них в решающей степени зависит от ожидаемого количества людей, готовых вступить в коррумпированный обмен. Именно это, кстати, объясняет сильные статистические связи между уровнем доверия в обществе (*generalised trust*) и коррупцией, продемонстрированные в многочисленных исследованиях (Rothstein & Uslaner, 2005).

Когда коррупция — ожидаемое явление, люди действуют по принципу: «Если все коррумпированы, почему я должен оставаться «чистым»?» (Myrdal, 1968, 409). При таких условиях наладка механизмов мониторинга и наказания коррумпированных должностных лиц (по рецептам ПА-модели) крайне неэффективна (Persson et al., 2013, 457). Как пишет в одной из своих более поздних публикаций один из самых авторитетных сторонников ПА-модели в коррупции Роберт Клитгаард (Klitgaard, 2006, 300), «призывы к более совершенным агентам, более изощренным стимулам, улучшенной информации, расширению конкурентоспособности, снижению уровня свободы действий для должностных лиц и повышению экономической и социальной цены (за коррумпированное поведение — МН) — это все, конечно, хорошо. Но кто будет ко всему этому прислушиваться? Кто будет действовать?» В ситуации когда «все берут и дают» невозможно найти истинного принципала, а те, кого «назначили» принципалами (как, например, многочисленные антикоррупционные комитеты и комиссии), неизбежно выполняют свои обязанности неэффективно. Кроме того, даже те люди, для которых коррупция — морально неприемлемое явление, становятся ее участниками, потому что они просто не видят смысла или не могут себе позволить вступить в борьбу с системой (Della Porta & Vannucci, 1999; Karklins, 2005). Другими словами, коррупция в таких обстоятельствах является самонастраивающимся равновесием (Aidt, 2003).

Понимание системной коррупции как проблемы коллективного действия имеет важные последствия для стратегии антикоррупционных реформ. С этой точки зрения самое важное — изменить убеждения людей относительно

того, как другие люди себя ведут, когда дело касается коррупции. Только когда большинство людей будет полагать, что большинство других людей воздерживаются от коррупции, она будет побеждена как системное явление. Чтоб обеспечить низкорепутационное равновесие, нужно достичь определенного переломного момента с точки зрения количества людей, не верящих в тотальную коррупцию. Это указывает на то, что пошаговый подход к антикоррупционным реформам вряд ли будет эффективен, требуется что-то, подобное «большому взрыву».

«Большой взрыв»

На основании накопленных знаний о различных разновидностях проблемы коллективного действия исследователи полагают, что успешная борьба с коррупцией требует революционных изменений (Diamond, 2007; Rothstein, 2011). Так, например, Лари Даймонд (2007, 119) пишет: «Системная коррупция не является изъяном, который можно скорректировать с помощью технического решения или политического толчка. Это положение вещей, при котором система работает, и оно глубоко укоренено в нормах и ожиданиях политической и общественной жизни. Снижение системной коррупции до менее деструктивных уровней и удержание ее там требуют революционных институциональных изменений».

Эмпирические исследования успешных переходов от системной коррупции к значительно менее коррумпированным системам в Швеции, Дании, а также Гонконге и Сингапуре подтверждают, что эти переходы включали в себя широкомасштабные экономические, политические и социальные реформы (Frisk Jensen, 2014; Root, 1996; Rothstein, 2011). Например, если еще в начале XIX в. Швеция была страной с системной коррупцией (Heckscher, 1952), то к концу века ситуация изменилась коренным образом. В период между 1840 и 1875 г. в Швеции было проведено более 20 масштабных реформ практически во всех сферах политической и общественной жизни, включая парламент, среднее и высшее образование, религию, гражданское, коммерческое и уголовное право, средства массовой информации (Rothstein, 2011, 243-244). Временные рамки шведского прецедента примерно совпадают с периодом перехода от системы «закрытого доступа» к системе «открытого доступа», которая, среди всего прочего, характеризуется низкой коррупцией. Например, по оценке North, Wallis & Weingast (2009, 27), Великобритания, Франция и США прошли путь от «закрытого» до «открытого доступа» примерно за 50 лет. Для Дании путь на вершину мирового рейтинга стран, свободных от коррупции, занял примерно 90 лет (Frisk Jensen, 2014).

По замечанию одного из ведущих исследователей в области коррупции Бу Роштейна, во всех этих странах борьба со взяточничеством в государственном аппарате была только малой частью повестки реформаторов (Rothstein, 2011,

245). Реформы затронули все основные политические и общественные «правила игры», цель которых сегодня понимается как искоренение фаворитизма и партикуляризма и утверждение беспристрастности и других универсальных норм в осуществлении государственной власти, особенно в сфере исполнения законов (Rothstein, 2011; Rothstein & Teorell, 2008). В итоге этот косвенный подход к искоренению коррупции коренным образом изменил не только формальные институты, но, что более важно, и ожидания большинства людей сначала в отношении поведения государства (Rothstein, 2000), а потом и членов общества. Когда «переломный момент» (большинство членов сообщества полагают, что большинство других людей воздерживаются от дачи/получения взяток и фаворитизма всех сортов) достигнут, коррупция как системное явление перестает существовать. Насколько сложно этого добиться, демонстрирует тот факт, что количество стран, живущих в состоянии системной коррупции, в разы превосходит количество стран, вышедших на новое качество социального равновесия.

Заключение

Системная коррупция, рассматриваемая с точки зрения теории коллективного действия, обнаруживает радикально иные характеристики, нежели те, которые были выявлены через призму теории «принципал-агент». Соответственно и борьба с недугом системной коррупции требует совершенно иного «курса лечения», чем предписан ПА-моделью.

В сообществах, где «все берут и дают», нет принципиальных принципалов, описанных ПА-моделями, поэтому набор инструментов для преодоления коррупции, выработанный в рамках ПА-подхода, а именно тщательный мониторинг поведения должностных лиц и суровые наказания, крайне неэффективны. Ситуация усугубляется тем, что даже те люди, для которых коррупция — морально неприемлемое явление, становятся ее участниками, потому что они просто не видят смысла поступать иначе, когда «все другие дают» и/или берут».

Видение коррупции как проблемы коллективного действия предполагает, что самое важное — это изменить ожидания людей относительно поведения «других». С чего же начать? С изменения ли моральных стандартов, как призывает один из корифеев современных коррупционных исследований Алина Мунгиу-Пиппиди (Mungiu-Pippidi, 2013)? С мотивации ключевых политических игроков, как предлагают Бусыгина и М. Филиппов (Бусыгина, Филиппов, 2013)? Или с развития организаций взаимопомощи по узкому кругу вопросов (Booth, Sammask, 2013)? А почему не с реформы судов? Или с развития гражданского общества, или свободы средств массовой информации?

Сторонники подхода «большого взрыва» полагают, что задача изменения общественных ожиданий полицентрична, поэтому ставка на реформирование

каких-то отдельных политических или общественных институтов, которые могут внести критический вклад в такое изменение, неправильна. Задача требует революционного подхода: масштабных политических, экономических и общественных реформ за сравнительно короткое время. Кроме того, реформы, нацеленные только на типичные места коррупционного обмена (строгая формализация системы государственных закупок или кампания по искоренению взяточничества в системе здравоохранения), имеют мало шансов убедить необходимую критическую массу людей, что «все» перестали «брать и давать». Если «критическая масса» не будет достигнута, то скорее всего даже какие-то частичные успехи, которые были достигнуты в деле борьбы с коррупцией, будут со временем утрачены.

Таким образом, видение коррупции как проблемы коллективного действия, указывает на то, что косвенный (не нацеленный непосредственно на коррупцию) революционный подход — самый многообещающий для решения проблемы коррупции. Однако до настоящего времени вопрос, при каких условиях такие революционные изменения могут быть достигнуты, остается открытым, и литература в области коррупции нуждается в новых эмпирических изысканиях о причинах удачных и неудачных переходов к низкор腐уционным равновесиям.

Библиографический список

1. Бусыгина, И. М., Филиппов, М. Г. (2013). «Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации?» *Полис: Политические исследования*, 1, 50-71.
2. Aidt, T. (2003). Economic analysis of corruption: a survey. *The Economic Journal*, 113 (491), 632-652.
3. Bågenholm, A. (2013). Throwing the rascals out? The electoral effects of corruption allegations and corruption scandals in Europe 1983-2007. *Crime Law and Social Change*, 60, 595-609.
4. Batory, A. (2012). Why do anti-corruption laws fail in Central and Eastern Europe: a target compliance perspective. *Regulation and Governance*, 6 (1), 66-82.
5. Booth, D. & Cammack D. (2013) *Governance for development in Africa: solving Collective action problems*. London: Zed Books.
6. Chang, E. C., Golden, M. A., & Hill S.J. (2010). Legislative malfeasance and political accountability. *World Politics*, 62, 177-220.
7. Charron, N., Lapuente, V. & Rothstein, B. (2013). *Quality of government and corruption from a European perspective: a comparative study of good government in EU regions*. Cheltenham: Edward Elgar.
8. Costas-Pérez, E., Solé-Ollé, A. & Sorribas-Navarro, P. (2012). Corruption scandals, voter information, and accountability. *European Journal of Political Economy*, 28, 469-484.
9. Della Porta, D. & Vannucci, A. (2007). Corruption and anti-corruption: the political defeat of "Clean Hands" in Italy. *West European Politics*, 30 (4), 830-853.

10. Della Porta, D. & Vannucci, A. (1999). *Corrupt exchanges: actors, resources and mechanisms of political corruption*. New York: Aldine de Gruyter.
11. Diamond, L. (2007). A quarter century of promoting democracy. *Journal of Democracy*, 18 (4), 118-120.
12. Fehr, E. & Fischbacher, U. (2005). The economics of strong reciprocity. In H. Gintis, S. Bowles, R. Boyd and E. Fehr (eds.) *Moral sentiments and material interests: the foundations of cooperation in economic life* (pp. 151-192). Cambridge, MA: MIT Press.
13. Przeworski, A., Stokes, S. C. & Manin, B. (1999). *Democracy accountability and representation*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Frisk Jensen, M. (2014). Getting to Denmark — the process of state-building, establishing rule of law and fighting corruption in Denmark 1660-1900. Retrieved from http://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1484/1484489_2014_06_frisk-jensen.pdf
15. Global Integrity. (2008). *Global integrity Report 2008*. Washington D. C.: Global Integrity.
16. Hasty, J. (2005). The pleasure of corruption: desire and discipline in Ghanaian political culture. *Cultural Anthropology*, 20 (2), 271-301.
17. Heckscher, G. (1952). *Svensk statsförvaltning i arbete*. Stockholm: SNS Förlag.
18. Johnston, M. (2005). *Syndromes of corruption: wealth, power, and democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Karklins, R. (2005). *The system made me do it: corruption in post-communist societies*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
20. Klitgaard, R. (2006). Subverting corruption. *Global Crime*, 7 (3–4), 299-307.
21. Klitgaard, R. (1988). *Controlling corruption*. Berkeley: University of California Press.
22. Kpundeh, S. J. (2004). *Building state capacity in Africa*. Washington D. C.: World Bank Publications.
23. McCubbins, M., Noll R.G. & Weingast, B. (1987). Administrative procedures as instruments of political control. *Journal of Law, Economics and Organizations*, 3 (2), 243-277.
24. Miller, G. & Hammond, T. (1994). Why politics is more fundamental than economics: incentive-compatible mechanisms are not credible. *Journal of Theoretical Politics*, 6 (1), 5-26.
25. Mungiu-Pippidi, A. (2013). Controlling corruption through collective action. *Journal of Democracy*, 24 (1), 101-115.
26. Mungiu-Pippidi, A. (2006). Corruption: diagnoses and treatment. *Journal of Democracy*, 17 (3), 86-99.
27. Myrdal, G. (1968). *Asia drama: an inquiry into the poverty of nations*. London: Allen Lane.
28. North, D. C., Wallis, J. & Weingast, B. (2009). *Violence and social order: a conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York: Cambridge University Press.
29. Persson, A., Rothstein, B. & Teorell, J. (2012). Why anti-corruption reforms fail: systemic corruption as a collective action problem. *Governance*, 26 (3), 449-471.
30. Root, H. R. (1996). *Small countries, big lessons: governance and rise of East Asia*. Hong Kong: Oxford University Press.

31. Rose-Ackerman, S. (2004). Governance and corruption. In B. Lomborg (ed.). *Global crises, global solutions* (pp. 301-344). Cambridge: Cambridge University Press.
32. Rose-Ackerman, S. (1999). *Corruption and government: causes, consequences, and reform*. New York: Cambridge University Press.
33. Rothstein, B. & Torsello, D. (2014). Bribery in preindustrial societies: understanding the universalism-particularism puzzle. *Journal of Anthropological Research*, 70 (2), 263-284.
34. Rothstein, B. (2011). Anti-corruption: the indirect "big bang" approach. *Review of International Political Economy*, 18 (2), 228-250.
35. Rothstein, B. & Teorell, J. (2008). What is quality of government: a theory of impartial political institutions. *Governance*, 21 (2), 165-190.
36. Rothstein, B. & Uslaner, E. M. (2005). All for all: equality, corruption and social trust. *World Politics*, 58 (1), 41-72.
37. Rothstein, B. (2000). Trust, social dilemmas and collective memories. *Journal of Theoretical Politics*, 12 (4), 477-501.
38. United Nations Development Program (UNDP). (2004). *Anti-corruption practice note*. New York: UNDP.
39. Welch, S. & Hibbing, J. R. (1997). The effects of charges of corruption on voting behavior in congressional elections 1982-1990. *The Journal of Politics*, 59, 226-239.
40. Widmalm, S. (2008). *Decentralisation, corruption and social capital: from India to the West*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.

Статья поступила в редакцию 15.09.2014.

.....

SYSTEMIC CORRUPTION AS A PROBLEM OF COLLECTIVE ACTION: A LITERATURE REVIEW AND RESEARCH AGENDA

M. S. Nistotskaya

Marina S. Nistotskaya, Ph.D., Research Fellow The Quality of Government Institut Department of Political Science University of Gothenburg, Sweden. E-mail: marina.nistotskaya@gu.se

Over the last several decades the principal-agent (PA) theory has dominated the research on causes and consequences of corruption and informed much of the content of anti-corruption reforms in countries around the world. However, with almost universal evaluation of those reforms as rather a failure than a success, researchers began to question the applicability of the principal-agent theory to the phenomenon of corruption. The article discusses the tenets of the emerging theoretical characterization of corruption as a collective action problem. Specifically, the new theory suggests that people's behavior depends not on the extent of the monitoring and severity of the punishment set up by the principal, but what most people think about the most likely behavior of other members of the society when it comes to corruption practices. Only when the overwhelming majority of citizens hold that others do not give and accept bribes, a new low-corruption equilibrium is achieved. It is argued that in order to achieve such a "tipping point", anti-corruption reforms must be revolutionary in their character and conducted within a relatively short period of time. New research avenues opened up by the collective action theory of corruption are briefly discussed.

Key words: corruption, principal-agent model, theory of collective action problem.

References

1. Busygina, I. M. & Filippov M. G. (2013). To curb corruption: find new people or change incentives? (in Russian), *Polis: Political Studies*, (1), 50-71.
2. Aidt, T. (2003). Economic analysis of corruption: a survey. *The Economic Journal*, 113 (491), 632-652.
3. Bågenholm, A. (2013). Throwing the rascals out? The electoral effects of corruption allegations and corruption scandals in Europe 1983-2007. *Crime Law and Social Change*, 60, 595-609.
4. Batory, A. (2012). Why do anti-corruption laws fail in Central and Eastern Europe: a target compliance perspective. *Regulation and Governance*, 6 (1), 66-82.
5. Booth, D. & Cammack D. (2013) *Governance for development in Africa: solving Collective action problems*. London: Zed Books.
6. Chang, E. C., Golden, M. A., & Hill S.J. (2010). Legislative malfeasance and political accountability. *World Politics*, 62, 177-220.
7. Charron, N., Lapuente, V. & Rothstein, B. (2013). *Quality of government and corruption from a European perspective: a comparative study of good government in EU regions*. Cheltenham: Edward Elgar.
8. Costas-Pérez, E., Solé-Ollé, A. & Sorribas-Navarro, P. (2012). Corruption scandals, voter information, and accountability. *European Journal of Political Economy*, 28, 469-484.
9. Della Porta, D. & Vannucci, A. (2007). Corruption and anti-corruption: the political defeat of "Clean Hands" in Italy. *West European Politics*, 30 (4), 830-853.
10. Della Porta, D. & Vannucci, A. (1999). *Corrupt exchanges: actors, resources and mechanisms of political corruption*. New York: Aldine de Gruyter.
11. Diamond, L. (2007). A quarter century of promoting democracy. *Journal of Democracy*, 18 (4), 118-120.
12. Fehr, E. & Fischbacher, U. (2005). The economics of strong reciprocity. In H. Gintis, S. Bowles, R. Boyd and E. Fehr (eds.) *Moral sentiments and material interests: the foundations of cooperation in economic life* (pp. 151-192). Cambridge, MA: MIT Press.
13. Przeworski, A., Stokes, S. C. & Manin, B. (1999). *Democracy accountability and representation*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Frisk Jensen, M. (2014). Getting to Denmark — the process of state-building, establishing rule of law and fighting corruption in Denmark 1660-1900. Retrieved from http://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1484/1484489_2014_06_frisk-jensen.pdf
15. Global Integrity. (2008). *Global integrity Report 2008*. Washington D. C.: Global Integrity.
16. Hasty, J. (2005). The pleasure of corruption: desire and discipline in Ghanaian political culture. *Cultural Anthropology*, 20 (2), 271-301.
17. Heckscher, G. (1952). *Svensk statsförvaltning i arbete*. Stockholm: SNS Förlag.
18. Johnston, M. (2005). *Syndromes of corruption: wealth, power, and democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Karklins, R. (2005). *The system made me do it: corruption in post-communist societies*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
20. Klitgaard, R. (2006). Subverting corruption. *Global Crime*, 7 (3-4), 299-307.
21. Klitgaard, R. (1988). *Controlling corruption*. Berkeley: University of California Press.

22. Kpundeh, S. J. (2004). *Building state capacity in Africa*. Washington D. C.: World Bank Publications.
23. McCubbins, M., Noll R.G. & Weingast, B. (1987). Administrative procedures as instruments of political control. *Journal of Law, Economics and Organizations*, 3 (2), 243-277.
24. Miller, G. & Hammond, T. (1994). Why politics is more fundamental than economics: incentive-compatible mechanisms are not credible. *Journal of Theoretical Politics*, 6 (1), 5-26.
25. Mungiu-Pippidi, A. (2013). Controlling corruption through collective action. *Journal of Democracy*, 24 (1), 101-115.
26. Mungiu-Pippidi, A. (2006). Corruption: diagnoses and treatment. *Journal of Democracy*, 17 (3), 86-99.
27. Myrdal, G. (1968). *Asia drama: an inquiry into the poverty of nations*. London: Allen Lane.
28. North, D. C., Wallis, J. & Weingast, B. (2009). *Violence and social order: a conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York: Cambridge University Press.
29. Persson, A., Rothstein, B. & Teorell, J. (2012). Why anti-corruption reforms fail: systemic corruption as a collective action problem. *Governance*, 26 (3), 449-471.
30. Root, H. R. (1996). *Small countries, big lessons: governance and rise of East Asia*. Hong Kong: Oxford University Press.
31. Rose-Ackerman, S. (2004). Governance and corruption. In B. Lomborg (ed.). *Global crises, global solutions* (pp. 301-344). Cambridge: Cambridge University Press.
32. Rose-Ackerman, S. (1999). *Corruption and government: causes, consequences, and reform*. New York: Cambridge University Press.
33. Rothstein, B. & Torsello, D. (2014). Bribery in preindustrial societies: understanding the universalism-particularism puzzle. *Journal of Anthropological Research*, 70 (2), 263-284.
34. Rothstein, B. (2011). Anti-corruption: the indirect "big bang" approach. *Review of International Political Economy*, 18 (2), 228-250.
35. Rothstein, B. & Teorell, J. (2008). What is quality of government: a theory of impartial political institutions. *Governance*, 21 (2), 165-190.
36. Rothstein, B. & Uslaner, E. M. (2005). All for all: equality, corruption and social trust. *World Politics*, 58 (1), 41-72.
37. Rothstein, B. (2000). Trust, social dilemmas and collective memories. *Journal of Theoretical Politics*, 12 (4), 477-501.
38. United Nations Development Program (UNDP). (2004). *Anti-corruption practice note*. New York: UNDP.
39. Welch, S. & Hibbing, J. R. (1997). The effects of charges of corruption on voting behavior in congressional elections 1982-1990. *The Journal of Politics*, 59, 226-239.
40. Widmalm, S. (2008). *Decentralisation, corruption and social capital: from India to the West*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.